ЭКОЛОГИЯ И ЭКОНОМИКА 04.12.2019 | Пеер Тешендорф & Эрнст Хиллебранд

В тени ископаемых ресурсов

Для России и Польши в приоритете экономическое развитие – проблемам климата пока уделяется там немного внимания.

Читайте эту статью на немецком языке

Россия

Россия как крупнейшее по площади государство мира имеет колоссальный потенциал для борьбы с глобальным потеплением. В свое время Советский Союз был мировым лидером по использованию солнечных, геотермальных и гидроэнергетических ресурсов. Так что вполне закономерен не только запуск ряда программ по повышению энергоэффективности, но и состоявшаяся в 2017 году презентация программы модернизации энергетической инфраструктуры с объемом финансирования в 50 млрд евро. Новые подходы в жилищном строительстве, промышленном секторе и энергетическом комплексе позволяют добиться значительной экономии энергии. А теперь еще и присоединение к Парижскому соглашению. Неужели Россия утверждается в статусе спасителя мирового климата?

Текущее положение вещей порождает скорее здоровый скепсис. Возобновляемые источники энергии играют ничтожную роль в стране с богатыми залежами нефти и газа и даже рискуют вообще исчезнуть из повестки дня. Их доля в общем энергетическом балансе составляет менее одного процента, а по планам правительства она должна вырасти к 2024 году даже до 4,5 процента, что многие эксперты уже сейчас расценивают как чересчур амбициозную задачу. Сам Владимир Путин склонен скорее скептически высказываться по поводу возможности ее реализации в России. Да и для российских граждан проблема изменения климата имеет скорее второстепенное значение. Организация масштабных демонстраций по защите климата пробуксовывает не только из-за нехватки участников, но и вследствие бюрократических преград. В дискуссиях все чаще делается акцент на как будто бы положительных последствиях

изменения климата – например, в плане возможностей извлечения прибыли из транспортировки грузов через Арктику, смещения сельскохозяйственной деятельности все дальше на север и экономии энергии за счет сокращения отопительного сезона.

И все же наблюдается рост интереса к вопросам экологической политики. Это связано в том числе и с катастрофическими последствиями наводнений и лесных пожаров в Сибири летом нынешнего года, а также с разрушением домов из-за таяния вечной мерзлоты и с комплексом проблем вокруг мусорных свалок. Прежде всего молодежь ставит экологические проблемы на второе место в списке самых значимых угроз.

Чтобы играть действительно активную роль в вопросах изменения климата, Россия должна выйти на новую модель национального хозяйствования. Более половины российского товарного экспорта приходится на нефть, газ и уголь. Из этих доходов формируется значительная часть общенационального благосостояния, финансируется раздутый штат государственных служащих и обеспечиваются доходы многочисленных предпринимателей, которые поддерживают государство. И в стране, где добрая четверть населения относит себя к категории бедных, социальное спокойствие также напрямую зависит от низких цен на энергоносители.

Основным ориентиром для российского государства на пути к экологической и климатоориентированной экономике мог бы стать радикальный рывок, направленный на слом упорного сопротивления со стороны нынешней модели экономики, а отчасти и со стороны населения. Подобный переход, вероятно, потребует дополнительных расходов. Фокус внимания российской экономической политики сосредоточен сегодня в большей мере на обеспечении стабильности нынешней структуры экономики, а не построении ее будущей модели. Не хватает инвестиций – как государственных, так и частных. Предложения, связанные с фиксацией доли компонентов местного производства на уровне 90 процентов для ветровой энергетики и на уровне 100 процентов для солнечной энергетики, хотя и снижают зависимость от импорта, однако переводят при этом скорейшее внедрение возобновляемой энергетики в разряд задач с повышенной степенью нереалистичности.

А что же население? Оно обречено все больше и больше ощущать на себе последствия климатических изменений – в виде проявлений экстремальных погодных условий. Последствия этих изменений дадут о себе знать прежде всего в северных широтах. По оценкам

экспертов, в последующие 30 лет необходимо будет заменить порядка 90 процентов жилых домов в регионе вечной мерзлоты, потому что их конструкция не рассчитана на таяние грунтов. Но остается открытым вопрос, достаточно ли этого аргумента для организации мощного движения по защите климата. До сегодняшнего дня все неурядицы и трудности в этой сфере рассматриваются через призму плохого экономического развития. Когда речь заходит о наводнениях, пожарах или вырубке лесов, в центре внимания оказывается не климат, а коррупция и недееспособность местных чиновников. Протесты вспыхивают преимущественно под воздействием локальных экологических проблем, а не в контексте глобальных климатических процессов.

В ближайшие годы Россия на словах будет поддерживать общепланетарные усилия по сохранению климата – хотя бы ради того, чтобы выгодно выглядеть на фоне США. Правда, Москва уже выполнила предписания по снижению выбросов CO2 на 25-30 процентов по сравнению с показателями 1990 года – за это остается поблагодарить крушение российской тяжелой промышленности после развала Советского Союза. Но в ближайшие годы вряд ли получится сделать какой-то другой активный шаг в этом направлении. Необходимые экономические трансформации являются весьма смутной перспективой из-за текущих экономических проблем, глобальной обстановки в сфере безопасности и вопроса теоретически необходимых подвижек в президентском кресле.

Пеер Тешендорф, Москва

Польша

Защита климата не является (пока еще) темой номер один для Польши. Весь политический класс страны недопустимо долго пренебрегал не только климатической, но и энергетической повесткой дня. Налицо, правда, растущее осознание того, что текущая ситуация требует определенных изменений. И не только из-за боязни последствий глобальных климатических изменений. Для этого имеются в том числе осязаемые и прагматические причины. Энергообеспечение Польши в определяющей мере зависит от угля и других углеводородов: они обеспечивают 90 процентов энергетического баланса страны. В этом сегменте польской энергетики наблюдается неуклонная тенденция к повышению цен из-за растущих производственных затрат на добычу собственного угля и удорожания выбросов CO2 в атмосферу. Такое положение дел напрямую связано и с необычайно скверными экологическими

условиями в польских городах: 36 из 50 городов ЕС с самым загрязненным воздухом расположены на территории Польши.

Таким образом, снижение объема вредных выбросов является одним из главных пунктов, над которым следует работать польскому правительству. Но это рассматривается как поэтапный процесс, который должен протекать через реализацию целого комплекса мер: переход на сжигание газа, повышение эффективности угольных электростанций, внедрение возобновляемых источников энергии и вхождение в атомную энергетику. У Польши до сих пор нет атомных электростанций, хотя правительственные программы предусматривают, что до 2040 года ядерная энергетика должна полностью покрыть ту часть национального энергетического баланса, которая приходится на сжигание бурого угля. Но все эти намерения не производят особо серьезного впечатления: если говорить более конкретно, то на данный момент не представлено ни одного проекта по строительству атомной электростанции, а потому все количественные показатели среднесрочного снижения выбросов CO2 базируются на очень шатком фундаменте.

Защита климата, однако, не является по-настоящему мобилизирующей темой, притом что вопросы экологии постепенно поднимаются на все более высокие позиции в иерархии повседневных забот польских граждан. Все-таки 41 процент избирателей либеральной «Гражданской платформы» и 12 процентов избирателей национально-консервативной правящей партии ПиС считают климатические и экологические проблемы самым большим вызовом для Польши в XXI веке. За последние 10 лет, по данным института исследования общественного мнения CBOS, с 19 до 34 процентов выросла доля поляков, считающих климатические изменения достаточно безотлагательной проблемой, чтобы польское правительство пошло на принятие целенаправленных мер в этом направлении даже ценой завышенных расходов.

И все же в рамках избирательной кампании осенью этого года из всех крупных партий, собственно, только объединенное движение левых сил Lewica делало заметный акцент на климатической тематике. Движение Fridays For Future хотя и нашло отклик в польских школах и университетах, но в целом они отреагировали на него весьма посредственно. В отличие от Германии, в Польше не наблюдается большого ажиотажа вокруг фигуры Греты Тунберг, пусть даже она и пользуется большим вниманием со стороны либеральных СМИ. А ведь медиафеномен Греты начал набирать обороты именно в Польше: все началось с ее выступления в

практически пустом зале в рамках мероприятий 24-й Конференции ООН по изменению климата (COP 24) в Катовице в декабре прошлого года.

Защита климата и обеспечение экономического развития страны, принимая во внимание ее зависимость от угольной электроэнергетики, последовательно воспринимаются как конфликт стратегических целей, который можно разрешить лишь в долгосрочной перспективе. Сами поляки имеют скорее прагматичную точку зрения в этом вопросе: в данный конкретный момент им меньше всего хочется спасать мир, а для начала нужно хотя бы достигнуть уровня благосостояния Западной Европы – тем более что Польша, несмотря на высокий показатель доли угля в продуцировании выбросов CO2 на душу населения, обеспечивает себе место лишь среди середняков Европейского союза. На долю Польши приходится 0,9 процента общемировых выбросов CO2. Отставая в доходах и экономических показателях, нельзя рассчитывать на вхождение в лидирующую когорту.

Тем не менее результаты соцопроса в ноябре прошлого года показывают, что 71 процент респондентов поддерживают отход от угольной зависимости в ближайшие 20-30 лет. К аргументам по поводу модернизации, расходов и повышения производительности (а ведь они позволяют найти обоснование для многих аспектов будущей энергетической трансформации) демонстрируют повышенный интерес не только политические, но и деловые круги страны. В этом отношении даже в рядах ПиС, которая долгое время игнорировала данную проблематику, наблюдается растущая готовность к более серьезному восприятию этого вопроса и к приложению более значимых усилий в направлении декарбонизации. В процессе формирования нового состава польского правительства после октябрьских парламентских выборов было учреждено отдельное национальное министерство по вопросам климата, а прежнего министра экологии сместили с должности как чересчур ярого поборника угля в энергетическом балансе страны.

Эрнст Хиллебранд, Варшава

Пеер Тешендорф

Пеер Тешендорф (Peer Teschendorf) – консультант по вопросам глобальной политики мира и безопасности в Фонде им. Фридриха Эберта. Ранее он возглавлял представительства Фонда в Российской Федерации, Казахстане и Узбекистане.

Эрнст Хиллебранд

Будапешт

Д-р Эрнст Хиллебранд (Ernst Hillebrand) является руководителем проекта «Европейские экономики Востока» Фонда им. Фридриха Эберта в Будапеште. После изучения политологии с 1990 года работал на различных должностях в Фонде, в частности, был руководителем отдела Анализа международной политики, отдела Центральной и Восточной Европы, а также руководителем представительства в Варшаве, Париже, Лондоне и Риме.